

ЛИНГВОПОЭТИКА

Курсив как способ эмфатизации речи персонажей

© кандидат филологических наук А.А. Изотова, 2009

В данной статье будут рассмотрены случаи употребления курсива как способа эмфатизации речи персонажей в рассказах Дж. Д. Сэлинджера.

Рассказ «Хорошо ловится рыбка-бананка» («A perfect day for bananafish») изобилует подобным использованием курсива. Анализ данного повествования невозможен без знания предыстории главного героя Симора Гласса. Рассказ о нём ведётся в предыдущих повестях цикла о семье Глассов «Выше стропила, плотники» и «Симор: введение». Из этих повестей читатель узнаёт, что Симор Гласс родился в незаурядной семье талантливых актёров. Будучи чрезвычайно одарённым с детства, Симор вместе со своими братьями и сёстрами выступал в радиопередаче «Умный ребёнок». С отрочества он увлекался поэзией и писал стихи сам. Его семья признавала его необыкновенно талантливым, истинным, настоящим поэтом. Симор был образованным человеком, преподавал в университете. В повестях также упоминается, что он прошёл войну.

Симор женился на очень привлекательной девушке Мюриель, идеале американской красоты, которую по-настоящему любил, но она оказалась не способной понять его, разделить с ним любовь к прекрасному, ведя обывательский образ жизни. Рассматриваемый рассказ показывает читателю крах его брачного союза, а в конце повествования главный герой сводит счёты с жизнью.

Обратимся к примерам.

"Why haven't you called me? I've been worried to—"

"Mother, darling, don't yell at me. I can hear you beautifully," said the girl. "I called you twice last night. Once just after—"

"I *told* your father you'd probably call last night. But, no, he had to—Are you all right, Muriel? Tell me the truth."

"I'm fine. Stop asking me that, please."

"When did you get there?"

"I don't know. Wednesday morning, early."

"Who drove?"

"He did," said the girl. "And don't get excited. He drove very nicely. I was amazed."

"He drove? Muriel, you gave me your word of—"

"Mother," the girl interrupted, "I just told you. He drove *very* nicely. Under fifty the whole way, as a matter of fact."

"Did he try any of that funny business with the trees?"

"I *said* he drove very nicely, Mother. Now, please. I asked him to stay close to the white line, and all, and he knew what I meant, and he did. He was even trying not to look at the trees—you could tell. Did Daddy get the car fixed, incidentally?"

"Not yet. They want four hundred dollars, just to—"

"Mother, Seymour *told* Daddy that he'd pay for it. There's no reason for—"

"Well, we'll see. How did he behave—in the car and all?"

"All right," said the girl.

"Did he keep calling you that awful—"

"No. He has something new now."

"What?"

"Oh, what's the deference, Mother?"

"Muriel, I want to *know*. Your father—"

"All right, all right. He calls me Miss Spiritual Tramp of 1948," the girl said, and giggled.

"It isn't funny, Muriel. It isn't funny at all. It's horrible. It's *sad*, actually. When I think how—"

Вся первая часть рассказа представляет собой телефонный разговор Мюриель со своей матерью, которая волнуется за дочь, спрашивая, как Симор «ведёт себя» на курорте.

В приведённом выше отрывке выделение авторским курсивом сочетаний слов I told, I want to know, It's sad в речи матери показывает её обеспокоенность положением дочери, в то время как в речи Мюриель мы встречаем либо некое возражение «I *said* he drove very nicely, mother» (Мама, я же тебе сказала, он правил очень осторожно), либо равнодушие к происходящему «Oh, what's the *difference*, mother?» (Да не всё ли *равно*, мама!)

Обратимся к другому примеру.

"Mother," the girl interrupted, "listen to me. You remember that book he sent me from Germany? You know—those German poems. What'd I *do* with it? I've been racking

my—"

"You have it."

"Are you *sure*?" said the girl.

"Certainly. That is, I have it. It's in Freddy's room. You left it here and I didn't have room for it in the—Why? Does he want it?"

"No. Only, he *asked* me about it, when we were driving down. He wanted to know if I'd read it."

"It was hi German!"

"Yes, dear. That doesn't make any difference," said the girl, crossing her legs. "He said that the poems happen to be written by the *only great poet of the century*. He said I should've bought a translation or something. Or *learned the language*, if you please."

"Awful. Awful. It's *sad*, actually, is what it is. Your father said last night—";

Данный контекст демонстрирует полную отчуждённость между Симором и Мюриель, несовпадение их интересов.

В речи Мюриель курсивом выделяются и эмфатизируются следующие слова и фразы:

1) « You remember that book he sent me from Germany? You know those German poems. What'd I *do* with it?» (Помнишь ту книжку, он её прислал мне из Германии? Помнишь какие-то немецкие стихи? Куда я её *девала*?) (перевод Р. Райт-Ковалёвой)

2) «Only, he *asked* me about it, when we were driving down. He wanted to know if I'd read it» (Но он про неё *спрашивал* только по дороге сюда. Допытывался – читала я её или нет).

3) «He said that the poems happen to be written by the *only great poet of the century*. He said I should've bought a translation or something. Or *learned the language*, if you please». (Он говорит, что стихи написал « *единственный великий поэт нашего века* » . Он сказал: надо было мне хотя бы достать перевод. Или *выучить немецкий* – вот, пожалуйста!)

– Мюриель возмущена тем, что её муж ей предложил, она считает чтение поэзии или изучение иностранных языков бессмысленным и не нужным, в чём мать её полностью поддерживает:

«Awful. Awful. It's *sad*, actually, is what it is» (– Ужас. Ужас!. Нет, это так *грустно*)

Обратимся к другому примеру.

"Your father talked to Dr. Sivetski."

"Oh?" said the girl.

"He told him everything. At least, he said he did—you know your father. The trees. That business with the window. Those horrible things he said to Granny about her plans for passing away. What he did with all those lovely pictures from Bermuda—everything."

"Well," said the girl.

"Well. In the first place, he said it was a perfect *crime* the Army released him from the hospital—my word of honor. He very *definitely* told your father there's a chance—a very *great* chance, he said—that Seymour may *completely* lose control of himself. My word of honor."

"There's a psychiatrist here at the hotel," said the girl.

"Who? What's his name?"

"I don't know. Rieser or something. He's supposed to be very good."

"Never heard of him."

"Well, he's supposed to be very good, anyway."

"Muriel, don't be fresh, please. We're *very* worried about you. Your father wanted to wire you *last night* to come home, as a matter of f—"

"I'm not coming home right now, Mother. So relax." "Muriel. My word of honor. Dr. Sivetski said Seymour may *completely* lose contr—"

"I just *got* here, Mother. This is the first vacation I've had in years, and I'm not going to just *pack* everything and come home," said the girl. "I couldn't travel now anyway. I'm so sunburned I can hardly move."

В данном случае в диалоге матери и дочери обсуждается поведение Симора, и беспокойство матери достигает апогея. Из контекста становится очевидным, что человек не от мира сего в её понимании становится сумасшедшим.

Курсивом автор выделяет следующие слова:

1) «He said it was a perfect *crime* the Army released him from the hospital». (Он сказал – сущее *преступление*, что военные врачи выпустили его из госпиталя).

2) «He very *definitely* told you father there's a chance – a very *great* chance, he said – that Seymour may *completely* lose control of himself. » (Он *определённо* сказал папе, что не исключено, *никак* не исключено, что Симор *совершенно* может потерять способность владеть собой.)

В рассказе «И эти губы, и глаза зелёные» («Pretty mouth and green my eyes») главный герой Артур, юрист, писавший в юности стихи, обсуждает свою жену со знакомым:

"Brains! Are you kidding? She hasn't got any goddam brains! She's an animal!"

The gray-haired man, his nostrils dilating, appeared to take a fairly deep breath. "We're all animals," he said. "Basically, we're all animals."

"Like hell we are. I'm no goddam animal. I may be a stupid, fouled-up twentieth-century son of a bitch, but I'm no animal. Don't gimme that. I'm no animal."

"Look, Arthur. This isn't getting us—"

"*Brains*. Jesus, if you knew how funny that was. She thinks she's a goddam intellectual. That's the funny part, that's the hilarious part. She reads the theatrical page, and she watches television till she's practically blind—so she's an intellectual. You know who I'm married to? You want to know who I'm married to? I'm married to the *greatest living undeveloped, undiscovered actress, novelist, psycho-cwalyst*, and all-around goddam unappreciated celebrity-genius in New York. You didn't know that, didja? Christ, it's so funny I could cut my throat. Madame Bovary at Columbia Extension School. Madame—

Как мы видим, курсивом выделяются следующие словосочетания в контексте:

«I'm married to the *greatest living undeveloped, undiscovered actress, novelist, psychoanalyst*, and all – around goddam unappreciated celebrity-genius in New York. » (Нет, ты хочешь знать, кто такая моя жена? *Величайшая артистка, писательница, психоаналитик*, и вообще величайший гений во всём Нью-Йорке, только ещё не проявившийся, не открытый и не признанный.) (Перевод Н. Галь).

Артур любит свою жену, но осуждает её за эксцентричность и не всегда достойное поведение. Словосочетания, выделенные курсивом, несомненно приобретают ироничное звучание в речи главного героя.

В рассказе «Тедди» («Teddy») главный герой – ясновидящий мальчик Тедди Макардль повествует своему новому знакомому о своих перевоплощениях:

"From what

I gather, you've acquired certain information, thorough meditation, that's given you some conviction that in your last incarnation you were a holy man in India, but more or less fell from Grace—"

"I wasn't a holy man," Teddy said. "I was just a person making very nice spiritual advancement"

"All right—whatever it was," Nicholson said. "But the point is you feel that in your last incarnation you more or less fell from Grace before final Illumination. Is that right, or am I—"

"That's right," Teddy said. "I met a lady, and I sort of stopped meditating." He took his arms down from the armrests, and tucked his hands, as if to keep them warm, under his thighs. "I would have to take another body and come back to earth again *anyway*—I mean I wasn't so spiritually advanced that I could have died, if I hadn't met that lady, and then gone straight to Brahma and never again have to come back to earth. But I wouldn't have had to get incarnated in an *American* body if I hadn't met that lady. I mean it's very hard to meditate and live a spiritual life in America.

People think you're a freak if you try to. My father thinks I'm a freak, in a way. And my mother—well, she doesn't think it's good for me to think about God all the time. She thinks it's bad for my health.'

В данном отрывке курсивом эфатизируется прилагательное «American»: «...But I wouldn't have had to get incarnated in an *American* body if I hadn't met that lady. I mean it's very hard to meditate and live a spiritual life in America». (Другое дело, что не повстречай я эту девушку, и мне бы не надо было воплощаться в *американского* мальчика. Вы знаете, в Америке так трудно предаваться медитации и жить духовной жизнью). (Перевод С. Таска.)

Америка с её ориентацией на материальное благополучие и внешний успех противопоставляется духовному совершенству Индии, к которому главный герой стремился, но которого он так и не достиг в предыдущем воплощении.

Nicholson was looking at him, studying him. "I believe у»u said on that last tape that you were six when you first had a mystical experience. Is that right?"

"I was six when I saw that everything was God, and my hair stood up, and all that," Teddy said. "It was on a Sunday, I remember. My sister was only a tiny child then, and she was drinking her milk, and all of a sudden I saw that *she* was God and the *milk* was God. I mean, all she was doing was pouring God into God, if you know what I mean."

1) «My sister was only a tiny child then, and she was drinking her milk, and all of a sudden I saw that *she* was God and the *milk* was God. I mean, all she was doing was pouring God into God». (Моя сестренка, тогда ещё совсем маленькая, пила молоко, и вдруг я понял, что *она* – Бог, и *молоко* – Бог, и всё, что она делала, это переливала одного Бога в другого.)

Во втором примере речь идёт о мистическом откровении главного героя, когда он в шесть лет внезапно понял, что всё вокруг – это Бог.

Курсивом в речи персонажа отмечены слова «*she*» и «*milk*». Это показывает читателю, что всё в мире божественно по своей сути, и необходимо это только осознать.

Таким образом, использование курсива в рассказах Дж.Д. Сэлинджера безусловно эфатизирует речь персонажей, и помогает читателю лучше понять замысел автора в художественном произведении.